

Мария Васильева

18+

Иерот качелих гал том I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Шёпот кошачьих душ

Мария Васильева

Шёпот кошачьих душ. Том 1

«Автор»

2026

Васильева М.

Шёпот кошачьих душ. Том 1 / М. Васильева — «Автор»,
2026 — (Шёпот кошачьих душ)

Люди привыкли жить, не подозревая об их близости, но древние демоны, ёкаи, давно существуют рядом, в темноте и густых тенях, и каждый день, оставаясь неуловимыми, нападают на мирных горожан. Их могут видеть лишь коты, мудрые и независимые, живущие на грани двух миров, и Мамору — обычный парень, чья жизнь навсегда изменилась в одну роковую ночь. Обретя способность видеть изнанку мира, он заплатил высокую цену — утратил возможность чувствовать радость, любовь... Теперь он стал невольным стражем на границе двух миров. Его задача — оберегать хрупкий мир людей от хаоса потустороннего и защищать котов, на службе которых он оказался. Сможет ли Мамору вернуть покой и счастье не только окружающим, но и себе? Не превратиться ли в монстра, подобного тем, с кем ведёт борьбу?

© Васильева М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ЧАСТЬ 1	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Васильева

Шёпот кошачьих душ. Том 1

Пролог

Позже люди поговаривали, что Сато Мамору был странным с самого детства. Позже вокруг него, помимо вполне реальных удивительных историй, витало множество слухов. И как его только ни называли! И истинным демоном, и продавшим душу дьяволу. Многие обходили его стороной, боясь ненароком навлечь на себя беду, ведь поговаривали, что, раз заметив на себе недобрый взгляд, Сато Мамору насылал на несколько поколений семьи неприятеля несчастья. У одного торговца в схватках умерла жена, когда тот обсчитал Сато на несколько йен, у мужчины, которому не повезло соседствовать с «нечистым», случился пожар в доме, и ничто не уцелело. Кроме хозяйской кошки.

Именно эта деталь делает историю похожей на истину, потому что кошек Сато особенно любил. Куда бы он ни пошёл, всюду за ним следовало несколько кошек. Так его приближение и замечали ещё издали: только заслышав мяуканье и частый топот мягких кошачьих лапок, люди разбегались, прятались кто где, торговцы закрывали лавки, забивались по углам и беспрестанно крестились, обливаясь потом.

Девушки, хоть и трепетали от страха, мечтали хоть краем глаза посмотреть на странного мужчину. Между ними ходили нескончаемые легенды о красоте и доброте Сато. Возможно, сказительницы были одними из немногих, кто видел суть этого несчастного человека. Они придумывали рассказы о том, как героически Сато спасал людей от опасности, как помогал бедным и немощным... или не придумывали вовсе?

У каждой истории есть своё начало. Не может же из ниоткуда взяться человек, которого приличные люди начинали остерегаться или обожать без всякого основания. Так начало есть у чудесной и печальной истории Сато Мамору, покровителя кошек...

— Ты опять дурыю маешься! — от невесть откуда прозвучавшего голоса Кайоши подпрыгнул на месте. Он впопыхах попытался прикрыть исписанный чёрными чернилами лист, но лишь извожился в краске. Без толку — Мамору уже всё увидел.

Он легко запрыгнул на стол и выхватил бумагу, на которой ещё — хоть и с трудом — возможно было различить слова. Кайоши взвыл от досады и зарылся лицом в ладони, пряча пунцовые щёки. Он до забавного быстро и обильно краснел.

— Ну и как это понимать? — по взгляду Мамору было тяжело оценить, злился ли он. Но смотрел он пронзительно, не моргая и не сводя глаз.

— Я просто хочу, чтобы люди знали правду и перестали тебя шугаться. Вот и всё.

— Напомни-ка: просил ли я об этом? Иногда я правда жалею, что не могу насылать проклятья.

— К счастью. Ты бы проклял меня добрую сотню раз.

— Не мелочись. Больше тысячи выйдет.

Мамору улыбался. Он скомкал испорченный лист, окончательно делая текст нечитаемым, и лихо, не промахнувшись, закинул его в мусорную корзину у двери. Кайоши простонал, провожая его взглядом. Он поправил очки и, отвернувшись к столу, подпер кулаком щёку.

— Не дуйся, — Мамору легонько пихнул товарища в плечо. — Но я искренне советую тебе найти иной сюжет. Если ты желаешь стать писателем, поищи чего интереснее.

— Вот скажи мне: что может быть интереснее?

Мамору сморщился, он плавно спустился на пол, расправил помявшиеся шорты.

— Не романтизируй мою жизнь, — он бросил это сухо, больше не отшучивался.

— Я и не собирался. Просто хотел рассказать то, как обстоят дела на самом деле. Прости, если обидел, но, будь честен, всё, что творится с тобой, не похоже на правду. Если ты боишься, что я собираюсь наживаться на твоём горе, ты ошибаешься. Я всего-навсего рассказчик.

— Я не этого боюсь, Кайоши. Да и не боюсь вовсе, — обратив взор к окну, Мамору задумался. — Не знаю, как переложить на слова. Мне просто тягостно от мысли, что кто-то может восхищаться моей жизнью или ненавидеть её. Это моя жизнь. Не фильм, не книга, — он тяжело вздохнул. — Пойду продышусь.

— Прости...

— Не извиняйся, — и дверь захлопнулась.

Мамору был по-кошачьи ловок, ему не составило труда украсть у коменданта общежития ключи от крыши и сделать с них дубликат. Теперь он мог беспрепятственно проникать туда и подолгу сидеть на прохладном ночном ветру в одиночестве. Он любил и ненавидел своё одиночество. С одной стороны, было спокойно сидеть в тишине, без посторонних глаз, без тягостного присутствия разного рода существ, которое он ощущал кожей. Люди — одно дело; их энергетика достаточно слабая, она хорошо чувствуется только в толпе. Энергетика животных мягкая и приятная. Особенно если животное находится в довольстве. А вот демоны... от их тяжести хотелось зарыться в землю поглубже. Лишь бы Мамору не заметили!

Сейчас было на удивление спокойно. Солнце давно уже село, на Токио опустилась ночь. Там, внизу, конечно, горели неоны, сновали туда-сюда люди, машины, даже вдалеке можно было разглядеть начало пробки. Но достаточно близко никого не было. И это радовало. Чем ближе к почве — тем больше существ рядом, тем больше демонов в том числе. Поэтому Мамору любил забираться как можно выше.

Кайоши смеялся над ним сначала, говорил: «Ты совсем как кот, тоже любишь залезть повыше. Чувствуешь контроль, а?» Да. Куда легче контролировать свою жизнь, когда чужие голоса не перебивают твои мысли.

С другой же стороны, он стремился к обществу. Мамору отчаянно хотел понравиться людям, подружиться с ними. Он мечтал, как и все, встречаться с друзьями в баре или ходить на свидания. Но его мало кто понимал и признавал.

Со временем он стал более сдержанным внешне, внутри же всё больше разливалась горечь. Меня никогда не поймут и не примут, думал он.

Кайоши был с ним со старшей школы. Был свидетелем взлётов, падений, делил с ним счастье и беды. Он был хорошим другом, хоть и мало чем совпадали их с Мамору взгляды и интересы. Он просто был, и от этого уже становилось не так горестно. Мамору любил смотреть аниме больше, чем читать мангу. Кайоши — наоборот, поэтому они могли обсудить понравившиеся произведения только в том случае, если аниме снимали по манге. Кайоши за просмотром засыпал, Мамору часто оставался недоволен рисовкой. Они предпочитали разные жанры фильмов и дорам: Кайоши обожал научную фантастику и иногда поглядывал роман-тику, Мамору любил лихо закрученные сюжеты в детективах и триллерах, но в определённые дни мог посмотреть что-то спокойное и ненавязчивое. Те редкие дни, когда они садились рядом перед экраном за просмотром чего-либо и оставались обоюдно довольны или разочарованы, становились настоящим чудом.

Крайне заметно у друзей отличалось восприятие людей. Мамору хоть и стремился к общению, всё же большинства людей сторонился сам, многое его могло оттолкнуть в человеке. Кайоши фыркал порой, называя Мамору переборчивым, и утверждал, что именно в его нелюдимости заключается причина избегания его общества окружающими.

Иногда Мамору злился, как и в этот раз. Он терпеть не мог, когда кто-то делал вид, будто знает его, при этом не имея ни малейшего понятия, кто он есть на самом деле. Конечно, Кай-

оши, по сравнению с другими людьми, познал все грани Мамору хорошо, но многое, достаточно сокровенное, оставалось для него загадкой. А он, не стесняясь, делал свои предположения. Вот кто, например, говорил, что Мамору на самом деле не продавал душу дьяволу?

ЧАСТЬ 1

О юности, утрате и новых обретениях.

Глава 1

Когда Мамору переехал в Токио, ему едва исполнилось пятнадцать лет. Он устал от учёбы, уже хотел поскорее найти подработку и начать зарабатывать на жизнь самостоятельно. Родители пока были в силах оплачивать образование, но — Мамору догадывался — их денег больше не становилось. Ещё немного — и платить будет нечем, уж за высшее образование точно, тем более в столице. Ему было тяжело от этого. Он несколько раз порывался отказаться от всего и начать свой путь, несколько раз говорил отцу, что хочет бросить учёбу. На что тот отвечал:

— Не говори глупостей. Чего ты сможешь добиться без образования? — и заканчивал разговор.

Наверное, он был прав. Если работать усердно, планомерно продвигаясь по карьерной лестнице, можно было многого достичь. Мамору подумывал поступить в Токийский университет искусств, но побаивался. Это было очень дорого, да и, наверное, рискованно. Разве может он, простой мальчишка, прославиться? А в искусстве, как известно, слава играет большую роль. Без неё ты не сможешь себя даже прокормить. В таком случае, нужно было искать другой вариант...

Мамору поздно увлёкся музыкой и танцами. Если бы его ещё в раннем детстве определили в какую-нибудь музыкальную школу, думал Мамору, он был бы счастлив! Сейчас же он опасался даже заикаться об этом. Отца бы в таком случае хватил сердечный приступ. Его сын желает выступать на сцене! Ещё и танцевать! Он придерживался определённых взглядов на то, как мужчины должны выглядеть и вести себя, и в этот список не входили танцы. Мамору точно не оправдает его ожиданий.

Всё началось с уличного представления. Только переехав, Мамору отправился на прогулку по городу. Оценив на карте масштабы, он для начала выделили себе небольшой квадрат недалеко от места жительства и решил его изучить. Место оказалось достаточно скучным — сплошные частные дома. Мамору долго петлял меж ними, пока не набрёл на небольшой сквер. На всём своём пути он почти не встречал людей, поэтому сейчас удивился, увидев целую толпу. Сгорая от любопытства, он подошёл ближе, сумел кое-как протиснуться в первые ряды. И не пожалел.

Стояли сумерки, и в них было отчётливо видно, как искры скачут в разные стороны, как языки пламени, то приближаясь, то отдаляясь, целуют оголённую кожу. Девушка, похожая на мифическое создание, бога огня Кагуцути, с поразительной лёгкостью вращала вокруг себя огненные пои. Она улыбалась, изгибаясь каждый раз, когда шар приближался достаточно близко, чтобы опалить. Делала повороты, взмахи руками. На её лице не было и капли страха — она контролировала ситуацию. Лишь спокойствие и уверенность в себе. Пои были продолжением её рук, и она точно знала куда они устремятся в следующую секунду.

Мамору застыл, поражённый. Он, конечно же, видел танцы по телевизору, несколько раз был свидетелем вполне удачных самодеятельств. Но подобную грацию и ловкость лицезрел впервые. Огонь танцевал рядом с хозяйкой, пробежал живыми отблесками по глянцевой коже, отражался в её огромных чёрных, как угли, глазах. Зрители аплодировали в такт тяжёлым ударам барабана. Раз — шар взлетел к самым небесам, публика захохала, кто-то отступил на несколько шагов, опасаясь, как бы огонь ненароком не задел. Но он был приручен.

«Удивительно! — думал тогда Мамору. — Если бы наши предки сотни тысяч лет назад увидели этот танец, они бы ни за что не поверили, что такое возможно!»

Он захотел так же. Приручить что-то неподвластное человеку, управлять им играючи. В своём воображении он точно так же выписывал восьмёрки огненными шарами или катанами. Превратить смерть в искусство, ужас — в красоту.

В Токио первое время Мамору был одинок. Шли каникулы, всюду оживала природа, начинала зацветать сакура. Он бродил переполненными народом улицами, разговоры и смех компаний отражались от него и отскакивали, не находя места. Он был готов отдать многое, лишь бы поговорить хотя бы с кем-нибудь. Пытался общаться в интернете, списывался с несколькими фанатами одного аниме, обсуждал персонажей, иногда разговор переходил на тему домашних животных. Всё заканчивалось тем, что Мамору присылал фотографию своего кота, дальше диалог превращался в монолог о том, какой его кот Томоми славный и смешной, и сходил на нет. Он не знал, как заводить друзей в реальной жизни после детского сада. Хотелось верить, что в новой школе ситуация хоть сколько-нибудь изменится.

Томоми был его верным другом уже восемь лет. Белый кот с чёрными ушками и пронзительно-жёлтыми большими глазами. Он был больше независимым, ходил по дому, делая вид, будто его никто из семьи не волнует. Лишь иногда утыкался лбом в ногу или забирался к кому-нибудь на колени. Когда очередь доходила до Мамору, он чувствовал себя избранным Небесами, не иначе. Если с ним хотел проводить время кот, он точно был замечательным человеком, и ему не обязательно было становиться лучше. Когда кот лежит у тебя на ногах, не имеет значения, какую оценку ты получил на уроке или насколько ты опозорился, поскользнувшись в школьном коридоре. Маленькое, доброе существо принимало тебя — значит, ты того стоишь.

Мамору не брал Томоми с собой на прогулки, хоть тот и любил наблюдать из окна за происходящим на улице. Было страшно: кот мог сбежать, пораниться, подцепить какую-нибудь болячку, с кем-то подраться... да что угодно! Лучше держать Томоми в безопасности. Но Мамору никогда не переставал думать о котах и перед выходом из дома запасался кошачьими лакомствами. Он подходил к каждому коту, гладил его, перекидывался парой слов, кивал, будто понимал, что ему мурлыкают в ответ, и кормил с рук. Его не волновало, что кто-то может посчитать его странным из-за общения с кошками. Их благополучие всегда было в приоритете.

Дошло до того, что новоиспечённые товарищи стали провожать Мамору до дома, а в какой-то момент и обосновались около него. Как-то раз мама вышла в магазин, но тут же с воплем забежала обратно.

— Что стряслось, Кику-тян? — отец оторвал встревоженный взгляд от газеты.

— Там с дюжину котов! Все у порога, так что не пройти!

— Ну-ка, дай посмотреть, — отец педантично медленными движениями сложил газету и направился к двери.

Мамору, сидевший тут же, тоже с интересом подбежал поближе. Действительно: у самой лестницы и даже на ступенях, на тропинке, ведущей к дому, на газоне — везде были коты. Чёрные, рыжие, серые, пятнистые... Их, наверное, было даже больше дюжины. Кто-то пристально смотрел на хозяев, кто-то, лишь дверь чуть приоткрылась, повскакивал с мест, принялся изгибаться, извиваться, подёргивать хвостом от радости.

— Закройте же дверь! — воскликнула мама. — Томоми выбежит, и они его покусают. Если они никуда не уйдут, точно заразу в дом принесём!

Справились тогда быстро, стоило только Мамору выйти во двор, как коты, словно загипнотизированные, потрусили за ним. Потом Мамору отчитали, сказали, что денег на содержание всех кошек Токио у родителей нет. Когда отец ушёл, и Мамору остался наедине с мамой, она ему сказала:

— Это доброе дело. Но тебе и впрямь стоит сократить круг своих... приятелей.

В школе Мамору познакомился с Кайоши. В первый же день тот записался в школьный медицентр и ходил на переменах по коридорам, беря импровизированные интервью у учеников. Мамору мог поклясться, что никто ему такого задания не давал, он занимался этим по собственной инициативе.

— Здравствуйте, — когда Мамору только принялся за еду, сидя на диванчике в коридоре, рядом возник этот парень. Маленький и очень загорелый, с отбеленными волосами, в очках. Он нервничал, переминался с пятки на носок и то и дело поправлял галстук. — Меня зовут Аоки Кайоши, я новый журналист школьной газеты, не могли бы вы ответить на пару вопросов?

Мамору в этот момент жевал и чувствовал себя престранно. Вот он — шанс завести друга? Почему он выпал в такой неловкий момент?

— Да, конечно, — ответил он, проглотив еду. — Чем могу помочь?

Кайоши засиял от радости. Кажется, до этого ему все отказывали. Он прочистил горло и чуть более уверенным голосом начал:

— Для начала представьтесь, пожалуйста.

— Сато Мамору.

— Сато-сан, скажите, пожалуйста, вы на каком году обучения?

— На первом.

Кайоши широко заулыбался, у него стояли брекеты, что придавало его внешности ещё больше невинного очарования.

— Я тоже! — совсем по-детски ответил он, потом, опомнившись, изменился в лице, сделался серьёзнее. — Прошу прощения. Продолжим. Только начало года. Вы уже успели завести друзей?

И он продолжил в том же духе, еле поспевая записывать ответы в блокнот. Мамору, заметив это, стал говорить медленнее. Кайоши ему очень понравился, и он предложил тому встретиться в библиотеке после занятий, чтобы сделать домашнюю работу. Кайоши, у которого тоже пока не было друзей, с радостью согласился. Радость — не то слово. Он был счастлив. И, видя, какое облегчение появилось на лице Кайоши после приглашения позаниматься вместе, Мамору вдруг стало очень грустно. Наверное, думал он, у него никогда не было друзей.

Мамору не ошибся. Кайоши оказался очень разговорчивым и многое о себе рассказал. У него за все школьные годы был только один друг, да и того назвать другом тяжело было. Просто мальчик, с которым можно было посидеть рядом во время обеда, потому что он не возражал. Как-то Кайоши всё время не везло на одноклассников. Это были либо издевавшиеся над ним задиры, либо те, кто просто не понимал его интересов и сторонился замкнутости. Он не был странным до крайности. Он просто всегда интересовался другими вещами. Кто-то обсуждает новую популярную группу — он о ней ни разу не слышал, да и не собирался. Кто-то предлагает собраться поиграть в видеоигру — Кайоши умеет играть лишь в настольные.

— Я посчитал, что смогу стать другим человеком здесь, создать новую личность, — сказал он, отвлекшись от конспекта. — Не кардинально. Я всё же хочу остаться собой. Просто, возможно, если я стану более открытым и дружелюбным, люди будут ко мне благосклонны. Если бы я стал открываться там, в средней школе, меня бы никто не понял. Они все знают меня другим. А тут я встретил только несколько знакомых человек.

— Ты из Токио или тоже переехал?

— Я жил и учился раньше в Итабаси. Отца перевели работать в Синдзюку, поэтому пришлось перебраться ближе к центру, чтобы было удобнее. Родители рассматривали две школы. Первая...

— Пожалуйста, потише, — шикнула библиотекарьша, Мамору и Кайоши переглянулись, хихикнули и продолжили учиться.

День сменял день, месяца следовали друг за другом. В очередной период цветения сакуры дурная весть омрачила спокойные дни. Томоми серьёзно заболел. Сначала он перестал садиться на колени, стал чаще прятаться в тёмных углах. Следом стал безучастно проходить мимо хозяев, будто не обращая на них внимания. Всё чаще спал, всё меньше ел. Поначалу Мамору думал, что это обычная хандра. Такое случалось с Томоми раньше. Он мог отдалиться

на какое-то время, но потом возвращался в норму. Но не сейчас. Кажется, Мамору слишком поздно понял, что что-то не так, и потом винил себя за это. Но видимое угасание жизни произошло стремительно, примерно за две недели.

Прогноз был неутешительным. Томоми оставалось жить не так долго. Можно было провести дорогостоящую операцию, но она не давала гарантии. Можно было сразу усыпить. Но этого Мамору себе позволить никак не мог. Он сидел вечерами около лежанки Томоми, гладил его и шептал, утирая слёзы:

— Прости меня, пожалуйста! Как же я не уследил...

Врач успокаивал Мамору, он сказал, что никакой его вины в этом нет, но Мамору отказывался верить. Если бы он был в эти дни внимательнее к другу, всё было бы иначе. Но он слишком сосредоточился на учёбе и стал совершенно рассеянным. Не приди кто-то из родителей домой, он бы не заметил. Но никакие доводы разума не могли успокоить Мамору: он считал себя убийцей.

Родители много платили за обучение, и Мамору считал своим долгом хорошо учиться, чтобы траты были не напрасны. В следующем классе он ещё дольше задерживался на учёбе, всё реже показывался дома. Приходя, с порога бежал к Томоми, целовал того в макушку и говорил:

— Привет, дружок, я принёс тебе гостинец!

Иногда Томоми ненадолго становилось лучше, и он даже ластился к хозяину и с удовольствием принимал еду из рук. В такие моменты Мамору начинал верить в чудо, надеялся, что лечение поможет. Но это были иллюзии.

Томоми не пережил операции. Мамору заперся на две недели в комнате и не выходил даже на ужин. Изредка, когда становилось совсем плохо, доходил до холодильника, брал первое попавшееся. Он даже не плакал. Эмоции вдруг разом стёрлись, и не осталось ни чёрного, ни белого. Лишь серость, липкая и беспросветная. Она обволакивала тело и заполняла минуты, она замедляла время и движения. Всё стало бессмысленным вмиг.

Были летние каникулы, и Кайюши, который никак не мог дозвониться до друга, забеспокоившись, пришёл к нему домой. Родители были на работе, и Мамору пришлось открыть самому. Дверной звонок действовал на нервы.

Кайюши, окинув товарища взглядом, изменился в лице. Прежде он собирался отчитать Мамору за то, что тот не отвечает на звонки и сообщения, но теперь он точно понял, что стряслось нечто страшное. Кожа Мамору потеряла краски, глаза потускнели, под ними наметились тёмные круги. Щёки за короткое время успели впасть, отчего и без того чётко очерченные скулы стали ещё острее.

Мамору не хотел делиться горем. Казалось, если он напомним о нём, воспоминания тех мучительных дней в ветклинике, тех бессонных ночей рядом с лежанкой, где Томоми перебивчиво дышал, нахлынут с новой силой, обретут ясность и полноту. Но пришлось. Кайюши не настаивал, но смотрел так искренне сопереживающе, что трудно было противиться. Мамору боялся, что Кайюши посмеётся над ним: ему шестнадцать, а он переживает из-за смерти кота! Но Кайюши не смеялся, он молча обнял друга и просидел так, пока тот не начал плакать. Накопец-то.

С тех пор несколько полегчало. Мамору начал тайком танцевать, чтобы снять напряжение. Он находил видеоуроки и учился по ним. Получалось не плохо и не хорошо, но этого хватало, чтобы очистить разум. Когда тело болит, а по лбу ручьями стекает пот, мысли затихают. Но не уходят вовсе. Мамору всё ещё чувствовал груз вины и изнурял тело, желая наказать себя. Каждый раз, когда у него что-то не получалось, Мамору двигался упорнее, повторял одну и ту же связку десятки, а то и сотни раз за один подход. Пока ноги не подкашивались.

Если бы он только всё мог изменить! Если бы он мог предотвратить смерть Томоми!

Глава 2

На большой перемене Мамору и Кайоши сидели на ступенях школы и дописывали задание по алгебре. Сентябрь выдался жарким. Что в здании, что на улице было нечем дышать. Мамору не любил такую погоду. Он и без того вымотался до предела, так ещё и ненавистная жара не давала покоя! Он расслабил галстук, расстегнул пару пуговиц, но это мало помогало.

Со ступеней можно было отчётливо видеть, как совсем недалеко, у соседнего здания, бьёт живой влагой фонтан. Капли, искрясь на солнце, алмазами разлетались во все стороны, то соединяясь в общую струю, то снова разбегаясь. Рядом с ним резвились маленькие дети, младшие школьники. Они играли в салки, бегали туда-сюда. Топот сандалий и журчащий смех, казалось, было слышно за десятки метров. Мамору глянул на часы: уроки в младшей школе уже закончились. В этом возрасте он бежал сломя голову домой смотреть мультики. Давно это было... словно в прошлой жизни.

Стоило чуть отвести взгляд, как картинка покрывалась рябью от зноя. Сочные зелёные листья деревьев в парке, расположенном напротив, шевелились без ветра за завесой горячего воздуха. Наверное, думал Мамору, если дотронуться до асфальта, останется вмятина.

— Сейчас бы искупаться, — мечтательно протянул Кайоши.

— Сейчас бы домой и под холодный душ. Ох, ну почему у нас в школе нет кондиционеров?! Я зажарюсь прямо здесь.

Кайоши посмотрел на приятеля с сочувствием.

— Ничего, обещали, что скоро будет попрохладнее, — утешил он. — А сегодня пока что рано умирать. Нам на работу.

— Ага...

Друзья нашли подработку в книжной лавке недалеко от станции метро Сибуйя. Это место всегда собирало много народа, поэтому высокая вероятность, что посетителей будет много даже в вечернее время. Несмотря на это, зарплата всё равно оставляла желать лучшего. Мамору мечтал накопить денег на занятия танцами, но большая часть заработанных средств уходила на питание, дорогу и повседневные нужды, отложить получалось самую малость. За три месяца работы Мамору сумел накопить лишь на одно занятие.

— Почему бы тебе не заниматься самому? — спросил как-то Кайоши. — Это в разы дешевле. Запишись в своей комнате и пляши сколько влезет.

Мамору в ответ фыркнул.

— Конечно, дешевле. Но здесь я буду платить за удобное помещение и реальные уроки, где мне лично смогут дать советы и исправить, если что не так. А дома... если меня увидит отец, он голову оторвёт.

— С чего бы это? Это же не стриптиз. И мужчины танцевали всегда, и женщины. Во всех странах.

— Его разве этим убедишь? В его понимании, это ненормально.

— Странные они, эти родители. Кем он желает видеть тебя?

— Он никогда толком не говорил. Он архитектор, поэтому, возможно, продолжателем своей профессии.

— Ух ты! Я как раз собирался стать архитектором! Если не получится с танцами, можем попытаться поступить в один и тот же университет. Если не возражаешь, конечно.

Мамору уже было всё равно, кем быть. Тоска никуда не ушла за полгода. Он зло посмеивался над собой, боялся показать на людях истинные переживания. Кто будет так долго умирать по питомцу? Разве что дурак.

Вот уже час покупателей не было вообще. Ни один человек не соизволил заглянуть хотя бы за ручкой или за прессой. Поток прохожих шёл мимо прозрачной двери с колокольчиком фурин, люди бросали короткие взгляды внутрь, но шли дальше по своим делам. Было ещё не поздно: самое время для того, чтобы заглянуть за новой книгой по дороге с работы. Но никто не заходил.

За стеклом не было видно неба — прямо напротив высился серый бизнес-центр. Но, судя по тому, что уже включили фонари, начало темнеть. Кайоши закончил расставлять новый привоз по полкам и от нечего делать листал первую попавшуюся книгу. Мамору сидел на кассе и уже в третий раз перечитывал брошюру по уходу за хомяками. Заметив, как друг пристроился прямо на полу, привалившись спиной к стеллажу с оккультными книгами, он подошёл к нему и сел рядом на ступеньку зелёной проржавевшей стремянки.

— Мне интересно, что ты видишь из-под чёлки. Могу поспорить, ты читаешь через слово. Или твои глаза скоро эволюционируют и вылезут из орбит, у них отрастут руки, чтобы...

Кайоши стукнул Мамору по ноге и рассмеялся, смахивая отросшие и успевшие пожелтеть волосы.

— А ты вообще читать не умеешь! Как ни посмотрю, ты листаешь брошюру про хомяков. Скоро дыру в ней протрёшь. Для вида взял бы что-нибудь посолиднее...

— Что читаешь? — Мамору кивнул на книгу. — Выглядит солидно.

Книга была явно дорогой, такие обычно в книжных магазинах ставят на витрины под стекло. Они стоят несколько тысяч, и их явно никто не покупает долгие десятилетия. Обитая чёрной кожей, с золотым теснением, она выглядела чужеродной в тощих узловатых пальцах лохматого подростка. Кайоши аккуратно разложил книгу на коленях. Униформой в лавке служил зелёный холщовый фартук. Никто не знал, зачем он нужен в книжном, ведь здесь невозможно было испачкаться. Но выглядел он симпатично, и никто не жаловался. На фоне красивой книги он казался дешёвым и неуместным. Она должна лежать на красивой скатерти или на состаренном дереве, а не на простецкой выцветшей ткани.

— Что-то оккультное. Подумал, это страшилки, но кажется, это какой-то справочник или руководство. Пока не понимаю. Видишь? Приворот, отворот, сглаз, привлечение богатства. А вот гадание на любовь. А, Мамору? Давай погадаем.

— Ещё чего! — усмехнулся он. — Нам бы лучше богатство привлечь. Что там пишут?

Дзынь! — заветный звук прозвучал некстати, Мамору успел заинтересоваться. Он быстро шмыгнул обратно за кассу, а Кайоши, проворно спрятав книгу между стеной и стеллажом, вышел к покупателю с широкой улыбкой.

Это была школьница, высокая девушка довольно приятной наружности с длинными блестящими волосами, забранными на виске перламутровой заколкой. Она поздоровалась и направилась к полке с зарубежной фантастикой.

— Могу чем-нибудь помочь? — рядом тотчас же материализовался Кайоши.

— Спасибо большое, но я сама, — она смущённо хихикнула. — Просто хотела посмотреть новинки.

— Любите фантастику?

— Я всё читаю, если сюжет интересный.

Мамору негромко кашлянул, привлекая внимание Кайоши, жестом подозвал к себе.

— Оставь девушку в покое, она от твоего напора красная, как помидор, да и ты не светлее.

— Говори тише! — Кайоши зыркнул в сторону девушки, чтобы убедиться, что она ничего не слышит. — Ты меня позоришь.

— Не распугивай покупателей! Наверное, из-за тебя к нам уже час никто не заходил. Все боятся, что ты набросишься.

Кайоши взял с прилавка несчастную брошюру по уходу за хомяками и огрел ей Мамору. Тот прыснул со смеху.

— У вас всё хорошо?.. — обернувшись, Кайоши встретился взглядом с взволнованной покупательницей.

— Да, да! Не беспокойтесь. Мы просто разгоняем мух, — и в подтверждение своих слов Кайоши вновь шлёпнул Мамору по лбу. — Ух, какая настырная!

Девушка, не сдержав улыбку, вернулась к выбору книги.

— Вот однажды владельцы проверят камеры и уволят тебя, — пригрозил Мамору.

— Ничего подобного! Я её рассмешил!

Девушка, к счастью, выбрала книгу. Пока Мамору пробивал её, Кайоши делал вид, что протирает стеллаж, а сам то и дело бросал взгляды на покупательницу. Неожиданно и совсем не к месту он заговорил, откашлявшись:

— А вы часто здесь бываете?

— Нет, мне обычно не по пути. Я провожала подругу и проходила мимо. У вас милая лавка. Вы, должно быть, сыновья господина Кондо?

Это была фамилия владельца и стояла она в названии магазинчика.

— Да, — ни секунды не колеблясь, ответил Кайоши. Мамору даже не успел сообразить, что на это ответить, застыл с вытянутой рукой, из которой девушка приняла чек несколько секунд назад.

— О! Приятно видеть, когда дети продолжают семейный бизнес! Желаю вам процветания.

— Спасибо. Обязательно приходите ещё!

И когда дверь, сопровождаемая звоном колокольчика, закрылась, блаженный взгляд Кайоши напоролся на недовольный — Мамору.

— И как это понимать, Кондо-сан?

— Ты не будешь спорить с тем, что она хорошенькая!

— Не буду. Но я не собирался отказываться от своего имени!

— Да брось! Она и не вспомнит тебя.

— Ну уж спасибо... надеюсь, она и тебя не вспомнит. И ещё надеюсь, что ты не собираешься её привораживать.

— Хочется верить, что мне хватит природного магнетизма... — протянул Кайоши, задумчиво теребя цепочку на шее.

Кайоши был весьма привлекательным даже в не самом привлекательно возрасте. Округлое лицо, большие глаза с крупными радужками, широкая улыбка во всё лицо. Его не портили ни брекеты, ни очки с сильными диоптриями, ни небольшой рост. Иногда Мамору смотрел на друга со стороны и удивлялся: как же сошлись гены, что получился такой ладный человек?

— Кстати о привороте, — опомнился Мамору. — Где книга? Я видел, ты закинул её за стеллаж. Молись, чтобы она не извалялась в пыли. Кажется, мы ещё не заработали столько, сколько она стоит.

Он опустился на колени и выгреб ком пыли, некогда бывший дорогим изданием.

— Молись, это тебе точно не помешает.

Но с книгой ничего не случилось. Налипшую грязь удалось стереть краем фартука, а больше следов жестокого обращения заметно не было. Кайоши опустился на прежнее место, Мамору сел рядом. С улицы, должно быть, казалось, что магазин пустует.

— Открой оглавление, — скомандовал Мамору. — Там наверняка что-то ещё интересное есть.

Искусственно состаренные листы, запах свежей типографской краски... Уже не так было важно содержание. Заворожённый красотой оформления, Мамору повторил кончиком пальца витиеватый узор в уголке страницы.

— Ого! — воскликнул Кайоши. — Смотри-ка, вызов демона! Давай попробуем?

— Не боишься? — в тоне Мамору угадывалось поддразнивание.

— Да сам ты трус! Вот возьму и вызову! И тебе не скажу!

— Ладно, ладно! Брось ты. Надо как-нибудь провернуть. У тебя родители куда-нибудь собираются с ночёвкой?

Мамору сфотографировал заинтересовавшие его страницы.

— Вроде бы через неделю уезжают к тёте.

Но ни через неделю, ни через две собраться вдвоём для вызова демона не удалось.

Прошёл год со смерти Томоми. Близился Обон. Семья Сато не отмечала этот праздник, но сам Мамору питал к нему благоговейный интерес. Странное дело: будучи совершенно нерелигиозным, несуеверным и далёким от предрассудков, он всё равно мечтал встретить нечто паранормальное. Это было присуще ему с детства. Пока большинство ребяташек боялось подкроватного монстра, Мамору лелеял надежду встретиться с ним лицом к лицу. Он тушил свет, специально свешивал ногу с кровати в качестве приманки и притворялся спящим. Он хотел подружиться с чудищем, но всегда имел под рукой, у изголовья кровати, ножницы для самообороны. Но нога оставалась невредимой, монстр не давал о себе знать, а Мамору проваливался в сон, так и не дождавшись его появления.

Чем старше Мамору становился, тем больше близких терял, тем чаще задумывался о смерти. Мысль о том, что однажды твой жизненный путь подойдёт к концу, отбивал всякую охоту к жизни, но, если призраки существовали, ещё теплилась вера в бессмертие души.

Мамору ждал Томоми. Втайне от родителей он купил маленький фонарик, который даже детским можно было назвать с натяжкой. Он был настолько крошечным, что возникали сомнения в его подлинности. Конечно же, он не горел от огня, а был электрическим, но Мамору верил, что даже на искусственный свет дух питомца откликнется. Ещё он приобрёл любимое кошачье лакомство Томоми — жидкий корм с индейкой и овощами. Мамору сомневался, как правильно ему всё организовать и корил себя за суеверие и пустые надежды.

«Кого ты ждёшь? Ты лично присутствовал на его похоронах. Ты точно знаешь, что душа не может существовать отдельно от тела», — так говорил себе Мамору, пока размещал крохотный фонарик над порогом.

Симпатичную любительницу зарубежной фантастики звали Накамура Акира. Она ещё несколько раз навещала книжную лавку, стреляла глазами в сторону Кайоши и изредка обменивалась с ним парой фраз. Кайоши каждый раз оставался в восторге и от неё, и от себя, взволнованно скакал на месте и десять раз подряд переспрашивал:

— Ну как? Ну как? Что скажешь?

Мамору в мыслях смеялся, но виду не подавал и каждый раз отвечал, что всё со стороны выглядело очень прилично и мило, наверняка он ей нравится. От этих слов Кайоши начинал скакать ещё сильнее.

Кайоши был своеобразным парнем и не нашёл ничего лучше, чем однажды пригласить девушку на свидание в праздник поминовения усопших. Всё происходило в повидавшем уже многое книжном магазине прямо на глазах у Мамору. Он тогда подслушивал из-за кассы, перекусывая печеньем, тут же подавился и закашлялся. Наверное, если бы Акира жевала, ей еда тоже попала бы не в то горло.

— Спасибо за приглашение, Кайоши-сан, но моя семья отмечает этот праздник и почитает его. Я посчитаю это неуважением к своим предкам.

Акира ответила очень вежливо, но всё же тоном она будто провела черту, показывающую, куда заходить не стоит, какие темы затрагивать нельзя, о чём нельзя шутить. Откашлявшийся Мамору про себя одобрительно кивнул девушке и пожелал, чтобы Кайоши замолчал.

— Я дурак! Я конченный идиот! — кричал он, после того, как лавка опустела. Кайоши уткнулся носом в прилавок и закрылся руками, спрятался.

— Не кричи ты так! Сейчас сюда сбегутся со всей округи!.. Или кричи... Хоть продажи поднимем.

— Вот всё тебе смешно, Мамору. Ты умеешь с людьми разговаривать, а я нет. Вот что мне делать?

— Думать иногда. Как вариант.

— Как грубо! Ты-то никогда не думаешь, прежде чем меня обидеть.

— Я не хотел обидеть, прости. Но ты как ляпнешь что-то!

Кайоши затих, и Мамору заперезживал, не задохнулся ли тот, как вдруг Кайоши повернулся и жалобно прошептал откуда-то из-под чёлки:

— Может, хотя бы ты со мной сходишь?

Мамору хотел отвлечься от грустных мыслей. Но стоило ли идти ради этого на не самое весёлое торжество? Он согласился посмотреть на традиционный танец, Бон-одори, который никогда не видел вживую. Поскольку он был традиционным и исполнялся в узких кимоно, был технически несложным. Подобное не сильно интересовало Мамору как начинающего танцора, но всё же хотелось верить, что нечто любопытное он может подсмотреть и перенять.

Фестиваль приходился на рабочий день. Людей совсем не было, и друзья всё рабочее время промаялись бы без дела, если бы в приоткрытую для проветривания дверь не заглянула любопытная кошачья мордочка.

— Смотри-ка, у нас гость! — Кайоши подошёл ближе и протянул коту ладонь для знакомства.

Мамору всё это время продолжал ухаживать за уличными животными, но каждый раз, глядя на них, он не мог сдержать слёз. Как бы ему хотелось погладить Томоми! *Своего* Томоми. Прижаться к нему щекой, втянуть запах шерсти, так сильно напоминающий запах одуванчиков...

Кот зашёл внутрь, осмотрелся.

— Разрешите помочь! Вы ищете фэнтези? Или, может, исторический роман?

Кот мяукнул, будто что-то понимал. Хотя, наверное, он действительно понимал, что обращались к нему.

Мамору засмеялся, выходя из-за кассы. Он всегда держал в кармане несколько пакетиков с кошачьим кормом — никогда не знаешь, кого встретишь на пути. Он сел на корточки и погладил животное. Кот был обычным, беспородным, и явно прожил на улице длительное время. Кое-где засохла грязь, где-то поредела шерсть. Но был он упитанным, его кто-то подкармливал.

— Ты маленький попрошайка? М?

Кот ластился, изгибая спинку, и с каждым прикосновением мурчал всё громче. Это был только первый визит за день.

Глава 3

Чем ближе был вечер, тем беспокойнее становился Кайоши. Он так разволновался, словно собирался в этот день взаправду встретиться с умершими родственниками. Или какой-нибудь прекрасной покойницей, о любви к которой он никогда не рассказывал. Мамору подумал об этом, снисходительно улыбнулся, глядя на мельтешащий перед глазами силуэт друга, и продолжил заниматься своими делами, не подозревая, насколько близок был к правде.

— Слушай, — заговорил Кайоши, когда Мамору уже закрывал кассу, — давай сейчас демона вызовем, а?

— Это поэтому ты нервный такой? — усмехнулся Мамору. — Всё не терпится?

Кайоши, видимо, почувствовав неловкость, замолчал и как-то «сдулся», заметно расстроился. Не нужно было много ума, чтобы понять: он всё это время боялся выставить себя посмешищем и стеснялся признаться, что очень хочет провести ритуал. Причём искренне, без шуток. Мамору мысленно очень больно ударил себя.

— Ты не обижайся на меня. Я бы тоже хотел что-нибудь эдакое замутить...

Мамору лелеял надежду вновь увидеть Томоми и попросить у него прощения. Если демон и впрямь придёт на зов, ведь сможет же он выполнить его просьбу?

— Да я не обижаюсь, просто чувствую себя дураком. Я не то чтобы верю в это... Просто есть что-то такое внутри, понимаешь? Волнение какое-то. А вдруг правда что-то существует, и мы просто не знаем? Как ещё это можно проверить, как не на опыте?

Мамору прекрасно понимал друга и разделял его переживания. В этот момент пропало всякое желание язвить. Он похлопал Кайоши по плечу:

— До фестиваля или после?

После Кайоши ждала мама на ужин. Как говорил он сам, она не была деспотичной, просто не хотелось её лишний раз расстраивать. Отец постоянно разъезжал по командировкам, и Кайоши оставался единственной опорой для неё в это время. В основном, моральной. Она была одинокой женщиной, не имела друзей. Всё её общение осуществлялось в кругу семьи. Кайоши жалел мать и стремился быть рядом.

Она отмечала Обон ежегодно и вообще придерживалась традиций, так что в доме Аоки можно было лицезреть всю атрибутику праздника, но ей дело не ограничивалось.

— Как ты таким только получился в религиозной-то семье? — прицокнул языком Мамору, подходя к массивному резному буцудану, домашнему алтарю в виде шкафа. — Можно потрогать?

Получив положительный ответ, Мамору провёл пальцами по шершавому дереву, обрисовал золотистый узор отделки, изображающий стволы бамбука. Буцудан был массивным и стоил явно приличную сумму. Мамору отметил, что, хотя по стилю алтарь явно выделялся из общего современного интерьера, смотрелся в нём не вычурно. В его доме такого не было, а прикасаться к культуре, даже если ты далёк от неё, всегда приятно.

— Не знаю, — ответил Кайоши на первый вопрос. — Пока не увижу призрака или самого Будду, не поверю. Родители не в курсе, что я так настроен. Мама вообще очень обрадовалась, что я решил посетить фестиваль.

— А она чего не ходит?

— Не любит толпы и шум. Она дома всегда все праздники справляет.

— Вот оно как! — протянул Мамору. — У тебя хотя бы справляют праздники... Не скажу, что оно мне надо. Но это вроде как весело?

Кайоши пожал плечами.

— Не знаю. С мамой не особо весело. Она придерживается мельчайших традиций, ждёт от нас с отцом, что мы их будем соблюдать в точности. Когда всё идёт по правилам, становится не очень весело.

— Вызов духов точно в правила не входит.

Кайоши повёл друга в свою комнату.

— Ты не смейся надо мной, хорошо? — заговорил Кайоши, нервно потирая шею. — Я бы хотел Акиру приворожить.

Мамору сдержал снисходительно усмешку. Но что поделать? Сам он был явно не лучше.

— Ладно. Тогда и ты не смейся над тем, что я попрошу у демона, если он вдруг явится.

По рукам?

— По рукам. Только скажи: это не что-то опасное или жестокое?..

— Ты бы стал смеяться, если бы я попросил что-то опасное или жестокое?

— Нет...

Мамору пожал плечами: вот и ответ.

Спальня Кайоши оказалась совсем небольшой. Мамору успел подумать, что буцудан был и то больше. Односпальная кровать, застеленная клетчатым покрывалом, одиноко лежащий на ней потрёпанный томик манги с красивой девушкой на обложке. На стоящем у окна письменном столике — две кружки, словно в комнате, помимо Кайоши, обитал кто-то ещё. Мамору сходу плюхнулся на мягкий мохнатый ковёр и поджал под себя ноги.

— С чего начнём? — спросил Мамору, ища в галерее нужные снимки.

— Давай с демона. Вдруг он сможет мне помочь без приворота?

— Приворот кажется более безопасным. Вдруг тебе придётся душу продать?

Кайоши сидел на краю кровати и взволнованно елозил ногами по полу.

— Давай просто начнём. А дальше посмотрим. Если будет опасно, заниматься этим делом не станем...

— Погоди! — воскликнул Мамору. — Кажется, эта штука бесконтактная. То есть к нам никто напрямую не заявится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.